

ТИМОФЕЙ СВИРИДОВ

ВЕК ЕКАТЕРИНЫ

ЗАГОВОРЩИКИ
У ТРОНА

**Иван Саввич Брыкин
Алексей Григорьевич Орлов
Тимофей Романович Свиридов
Век Екатерины.
Заговорщики у трона
Серия «Русская история»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68756175

Век Екатерины. Заговорщики у трона / Свиридов Т.Р.: Родина; Москва;

2022

ISBN 978-5-00180-738-4

Аннотация

«Великолепный век» в России – это время Екатерины II. Необыкновенная пышность и роскошь её двора, интриги, заговоры, любовные приключения, войны – трудно найти другой период, который вместил бы всё это.

В книге, представленной вашему вниманию, о тайнах великолепного века Екатерины рассказывают два её современника: Алексей Орлов, брат Григория Орлова, фаворита императрицы, и Иван Брыкин, смотритель императорской усадьбы под Москвой.

Книгу дополняет документальная повесть историка Тимофея Свиридова о заговоре против Екатерины, в котором участвовал знаменитый архитектор Василий Баженов.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

А.Г. Орлов	6
Воспоминание о Петре I. В Тверском имении. Медвежья охота	7
В Петербурге. Служба в гвардейском полку. Лейб-камpanцы. Столкновение	16
Война с пруссаками. Пётр III и Екатерина. Переворот. Смерть Петра III	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Алексей Орлов,
Иван Брыкин,
Тимофей Свиридов
Век Екатерины.
Заговорщики у трона**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© ООО «Издательство Родина», 2022

А.Г. Орлов

Великолепный век Екатерины

Граф Алексей Григорьевич Орлов (1737–1808) был одним из самых видных деятелей «великолепного века» в России – века Екатерины II.

Алексей Орлов прежде всего известен тем, что он был главным организатором дворцового переворота, который и привел к власти Екатерину II. Кроме того, он похитил «княжну Тараканову», претендующую на русский престол, успешно воевал с турками на Средиземном море, принимал активное участие во многих государственных начинаниях.

Сам он никогда не писал мемуаров, однако будучи уже в преклонных годах, любил в узком домашнем кругу вспомнить об удивительном времени, в котором жил. Эти воспоминания были записаны его секретарём А.А. Кривошеиным, а позже обработаны историком Т.Р. Свиридовым.

Воспоминание о Петре I. В Тверском имении. Медвежья охота

...Наш, Орловых, родной дед служил стрелецким сотником, когда Пётр Великий только начал править Россией. Стрельцы учинили тогда против него великий бунт, за что должны были сложить головы на плахе. И вот подходит наш дед к плахе, а перед ним сам царь Пётр стоит, смотрит на казнь и своей спиной дорогу загораживает. «Отодвинься, государь, – говорит ему дед. – Здесь не твоё место – моё». А тут как раз очередная голова из-под топора палача скатилась. Дед глянул на палача с усмешкой и отбросил голову в сторону ногой: «Славно рубишь, брат, уж постарайся так же и для меня!». Царю Петру так понравилось это бесстрашное озорство, что он приказал деда помиловать.

Пётр I в рыцарских доспехах.

Художник Ж.-М. Натье

...Да, без куража в жизни некуда, без него даже на охоту не ходят, а охота в наших краях была знатная, но самая захватывающая – на медведя... Тверские леса глухие, непроходимые, а наша деревенька среди тех лесов затерялась так, что не отыщешь. Пока отец жив был, поместье было исправное, а как умер, родственнички всё по кускам растащили. При отце они и пикнуть не смели – он был генералом, службу ещё при Петре Великом начинал, а как умер, совести хватило обобрать вдову с пятью детьми.

Хозяйство наше было самое простое: дом – одно название, что господский, а на самом деле та же изба, только побольше и почище: строили его свои же мужики. Когда соседи оставались у нас ночевать, спать их укладывали на сеновале, больше нигде было. Одевались мы в домотканину – холстину, которую нам ткали деревенские бабы, – и роскоши никакой ни в чём не знали.

Зато с мужиками у нас было полное согласие: не было такого, как ныне, чтобы господа – это одно, а мужики – другое, будто из разного народа они. Тогда о господском и мужицком одинаково заботились: наша матушка Лукерья Ивановна знала, у кого из мужиков хлеб уродился хорошо, а у кого – плохо, и давала мужикам хлеба, невзирая на то, возвращён старый долг или нет. В деревенской жизни она при-

нимала живейшее участие: свадьба ли, крестины ли, похороны, — всегда отправит подарочек со своего стола; мужики, в свою очередь, в престольные праздники и домашние наши именины к ней с поздравлениями приходили.

* * *

Мы с братьями также среди мужиков росли, во многих деревенских забавах вполне участвуя. Хаживали с мужиками и на медведя: об этом сейчас расскажу.

Старший брат Иван к тому времени уже в Петербург уехал, а младший, Владимир, ещё мал был, потому состояла наша компания из Григория, Фёдора и меня. На медвежью охоту мы с братьями давно хотели пойти, но матушка не позволяла: опасное, де, это дело. Однако как-то в конце зимы мужики нашли в лесу берлогу и решили бурого поднять. Тут-то мы к матушке и пристали: отпусти, мол, родная, что же это — скоро и нам в Петербург на службу отправляться, эдак мы ни разу на медвежью охоту не сходим! Как ей не согласиться? — отпустила она нас, но велела от Ерофеича, опытного медвежатника, ни на шаг не отходить.

Мы сразу к Ерофеичу побежали, а он уже собирается, готовится к завтрашней охоте.

— Разрешила, стало быть, барыня? — говорит он. — Что же, таким молодцам отчего не потешиться? Только уговор: во всём слушаться меня, и никакого самовольства не допускать.

Медведь – зверь опасный, от него немало народу погибло; чуть зазеваешься, пиши пропало!

Мы поклялись, что ни в чём Ерофеича не слушаемся.

– Ну, добре! Тогда давайте распределим, кому что делать. Берложья рогатина будет у меня, и я на неё медведя приму. Вот, глядите, какая она, – показывает он. – Рогатина знатная: наконечник старинный, заточенный с обеих сторон, что бритва. Поперечину я сам из рога сделал: она нужна, чтобы рогатина слишком глубоко в медведя не зашла, а то он живучий и когти у него длинные – даже издыхая, он может тебя достать... Древко из рябины – весной срубил и провялил, но не высушил полностью; такое древко прочное, не расколется, а чтобы в руках не скользило, я его – видите? – ремнями обмотал.

Есть такая байка, что рогатину в медведя вонзают, когда он на задние лапы встаёт, а для этого надо перед ним шапку кинуть. Чушь на постном масле! Медведь встаёт на задние лапы только от любопытства, а на обидчика он бросается с опущенной головой. Поэтому рогатиной его надо колоть, как копьём, в шею или сердце. Если же он от меня увернётся, мужики на него собак спустят, а собаки у нас наученные, они его к дереву прижмут, – тут надо бить вдругорядь и наверняка. Вот тогда ваш черёд настанет: ты, Григорий Григорьевич, сильнее всех братьев, потому возьми рогатину, которая у нас «догонной» называется, она поменьше, но тоже хороша – постарайся ею в печень медвежью ударить. Ты, Алексей

Григорьевич, страха не ведаешь и в опасности рассудка не теряешь, так возьми нож длинный, булатный: бей им медведя, если крайность настанет! А ты, Фёдор Григорьевич, среди братьев самый быстрый и ловкий, – так вот тебе острый кол: им можно медведя под удар направить, а куда – на месте смекнёшь... А теперь ступайте спать, соколики, завтра до света вас подыму...

Точно, поднял он нас задолго до рассвета, а на улице уже мужики с собаками ждут, и пошли мы в лес. Идти было тяжело: снег глубокий, ноги проваливаются даже в снегоступах, а тут ещё ветер поднялся, с вершин елей снежные комья падают. Но мы идём, усталости в помине нет, – скорее бы до места добраться!

– Эх, как бы медведь на меня вышел! – говорит Григорий, а у самого глаза блестят. – Я бы его голыми руками завалил. Что мне медведь: я могу кулаком быка убить!

– Да и я бы не сплюховал, – вторит ему Фёдор. – У меня такой силы нет, но ловкость тоже не последнее дело.

– Не спорьте, братья, – успокаиваю я их. – Мы – Орловы, и сама фамилия нас первыми быть обязывает. Я буду не я, если мы себя не покажем...

– Эй, соколики, чего расшумелись? – поравнялся с нами Ерофеич. – Не терпится? Скоро уже... Видите, дерево вывороченное лежит? Вот под ним бурый берлогу себе вырыл. Нипочем мы его не нашли бы, если бы не оттепель: медведь в оттепель просыпается и выходит подкормиться; по следам

его и нашли. Хитрый зверь: возвращался он задом наперёд, чтобы следы запутать, – ну, да мы тоже не лыком шиты!

Подходим к берлоге; собаки ошетинились и глухо эдак забрежали.

– Тихо, волчья сыть! – цыкнул на них Ерофеич. – Ваше время ещё не пришло... Ну, мужики, с Богом! Поднимайте бурого... Я впереди встану с рогатиной, а барчуки за мной в ряд.

Мужики подошли к дереву и давай кольями под корни тыкать. Мы изготовились, но вначале ничего не было: зверь не выходит, и всё тут! С четверть часа, наверное, это продолжалось, а потом вдруг как выскочит медведь, но не из-под корней, а со стороны.

– С запасного хода пошёл! – крикнул Ерофеич. – Теперь держись! Собак спускайте, собак!

Собаки на медведя набросились; он до толстой ели добежал, сел к ней спиной и отбивается. Удары страшные наносит: одна, вторая, третья собака с визгом отлетели, а он ощерился и ревёт – здоровенный медвежина, аж страсть!

Ерофеич, однако, не растерялся: подскочил к нему и вонзил-таки рогатину в грудь. Медведь ещё громче взревел, махнул лапой, ударил по рогатине, и Ерофеич на ногах не удержался, упал. Тут зверюга на него кинулся, ломать начал, но Григорий вовремя подоспел: воткнул рогатину прямо медведю в печень и держит. Но зверь и здесь не сдался: не знаю, как он вывернулся, однако в одно мгновение оказал-

ся прямо перед нами. В кровяще весь, но прёт на нас, разъярённый, отомстить хочет за свою гибель.

Охота с рогатиной.

Иллюстрация из издания «Живописная Россия», 1881 г.

Фёдор как завопит, и острым колом в морду ему вдарил; медведь повернулся и на мгновенье снова грудь под удар открыл – вот тут-то мой черёд и настал: нож мой вошёл точно в медвежье сердце! Издал зверюга предсмертный рык и упал, но всё-таки достал меня когтями напоследок. Зарубка

медвежья на руке на всю жизнь осталась... А шкуру его мы домой принесли и на стену повесили: она всю стену от пола до потолка заняла. Матушка заахала: «Знала бы, что вы на такое чудище пошли, никогда бы не отпустила!».

Ерофеич после той охоты нас зауважал, а ко мне в особенности проникся. Когда я в Петербург на службу поехал, Ерофеича матушка со мной отправила: был он мне и дядька, и слуга верный, а после спас от смерти в Чесменском бою, свою жизнь за мою отдав. Впрочем, это я далеко вперёд забежал – если уж рассказывать, то всё по порядку...

В Петербурге. Служба в гвардейском полку. Лейб-кампанцы. Столкновение

В Петербурге меня определили в кадетский корпус, но недолго я там оставался – и возраст был не тот, и к зубрёжке охоты не было, а по-другому там не учили: знай, зазубривай всё наизусть. Да и учителя были хуже некуда: бывшие кадеты, которые в прапорщики не вышли и от безысходности в корпусе остались, или отставные военные, из-за своих недостатков из армии списанные. По счастью, сослуживцы отца, помнившие его по петровским походам, составили мне, как и братьям моим, протекцию: я был принят, хотя и простым солдатом, в Преображенский полк, Григорий – в Измайловский, Фёдор – в Семёновский.

Петербург меня так поразил, что первое время я ходил по городу, разиня рот. Какой простор, какие красоты; вот уж поистине столица великой империи! Главная улица – Невский проспект – широченная, за горизонт уходит, а дома на ней только каменные, ни одного деревянного, их указом строить было запрещено. Каждый дом в два этажа и узорчатой чугунной решёткой ограждён.

На набережной тогда строили Зимний дворец для государыни-императрицы Елизаветы Петровны, а был ещё Летний, тоже удивительной красоты – с садом, галереями, террасами и фонтанами. Далее Смольный собор возводили, – тысячи

солдат и мастеровых сюда согнали на работу, – и ничего величественнее этого собора я в жизни не видал. Жаль, что не достроили: в алтаре кто-то наложил на себя руки, и поэтому службу в храме нельзя было сто лет совершать...

А какая жизнь в Петербурге была: всё бурлило, всё двигалось! Днём по улице иной раз не пройдёшь, возы со всякой всячиной непрерывно тянутся, а на Неве стоят корабли из Европы; барки, лодки, плоты сотнями места ищут у пристаней.

По вечерам в богатых домах балы и маскарады начинались один пышнее другого, и на них такая разодетая публика съезжалась, – я и не знал, что такие наряды бывают! Их шили по новейшей моде лучшие портные из Франции: в обычай это было введено гетманом Разумовским, братом давешнего фаворита императрицы Елизаветы, и Иваном Шуваловым, новым фаворитом её, – оба были большие щеголи и модники.

* * *

Вылезши из своих лесов, я сперва чувствовал себя в Петербурге чужим: учения, ведь, не было у меня, считай, никакого – хорошо, хоть грамоту знал. А тут по-французски говорят, на балах танцуют, вирши пишут и высокоумные беседы ведут. Ну, кто я при этом? – медведь медведем! Однако вскоре наострился: несколько слов французских затвер-

дил, большего по сей день не знаю; из разговоров кое-чего запомнил, а главное, танцам выучился. Ничего, обходился как-нибудь: в конце концов, от солдата учёность не требуется – были бы смелость да отвага, да верная служба российскому престолу!

Наш полк имел свои казармы, весьма приличные, но там жили офицеры и старослужащие, а солдаты и новички квартировались отдельно, кто где мог, и надзора за ними не было никакого. Служба была неутомительной: надо было лишь являться на дежурства, смотры и парады, а в остальном живи, как хочешь.

Мы, гвардейцы, всегда были на особом положении, так со времён Петра повелось. Офицерские звания в гвардии были выше армейских, жалование тоже больше, но, главное, мы при высочайших особах службу несли, при самом императорском дворе. Гвардия могла в любой момент потрясение в верхах государства произвести, – и производила! Начиная от Екатерины Первой ни одно восшествие на престол без гвардии не обходилось, и государыню Елизавету Петровну тоже гвардейцы в императрицы произвели. А далее Екатерину Вторую единовластной правительницей сделали, – но об этом речь впереди, не буду опять-таки забегать...

В Петербурге мы были полными хозяевами: куда ни придём, нам должны оказывать почёт и уважение, потому что гвардейцы во всём первые. Тогда повсюду бильярды поставили – и в трактирах, и в гостиницах, и даже в весёлых до-

мах столы бильярдные стояли. Мы с братьями Григорием и Фёдором в «пирамиду» с шестнадцатью шарами изрядно играть научились и всех обыгрывали, однако был у нас соперник – Александр Шванвич, который, впрочем, не только в бильярде, но и в иных забавах нас превосходил.

Сейчас о нём уже забыли, но в своё время в России не было не знавшего его человека. Отец Шванвича, именем Мартын, был из учёных немцев, в Россию он приехал при Петре Великом. Здесь женился, а восприемницей его сына Александра была сама Елизавета Петровна, будущая наша императрица. Взойдя на трон, не забыла она своего крестника, и Шванвич был определён в Лейб-компанию – личную дворцовую охрану императрицы. Лейб-компанцы в званиях выше нас, гвардейцев, были, Шванвич, скажем, простым гренадером служил, но чин этот равен был армейскому поручику, – но мало того, они и во всём другом превзойти нас стремились: хотели доказать, что не гвардейцы, а лейб-компанцы в Петербурге главные.

У нас постоянно стычки происходили, но если в них Шванвич участвовал, наши гвардейцы бывали битыми: уж очень силён он был, один мог пятерых раскидать, к тому же, саблей и шпагой владел мастерски. В одиночку с ним даже Григорий не мог справиться, но вдвоём мы Шванвича одолеть могли, что на деле доказали.

Лейб-кампанцы.

Гравюра XVIII века

Григорий играл как-то в трактире на бильярде с одним своим измайловцем – вдруг заходит Шванвич, а с ним лейб-кампанцы, все пьяные; они идут прямо к столу, и Шванвич предерзко заявляет:

– Ну-ка, освободите место! Настоящие игроки пришли, а вы идите гонять шары в задницу!

– Я могу шар тебе в задницу вогнать, – говорит Григорий. – А не то просто надрать её, чтобы наглости поубавилось.

– Тебе до моей задницы расти и расти, – отвечает Шванвич. – Но если ты такой смелый, давай биться на кулаках один на один: кто победит, тому бильярд и достанется.

Григорий согласился; тут же вокруг них круг образовался, всем хочется посмотреть на такой кулачный бой: Шванвич огромный был, как Голиаф, однако и Григорий не меньше его.

Стали они драться; кулаки у Шванвича были всё равно что чугунные, – я их после на себе попробовал, – и бил он с такой силой, с какой пушечное ядро бьёт. Туго Григорию пришлось, но какое-то время продержался, а после не сдюжил – упал, и дух вон! Пришёл он в себя, когда ведро воды на него вылили, а Шванвич стоит над ним и насмехается:

– Ну, кто кому задницу надрал? Это тебе урок – всегда

уступай лейб-кампанцам!

Григорий поднялся и от такой огромной обиды немедля побежал ко мне. Как рассказал он про всё, что случилось, я сразу с ним обратно в трактир направился, а у самого одна мысль в голове: как бы Шванвич оттуда не ушел. Приходим, – нет, он здесь, слава Богу! Я подхожу и говорю:

– С братом моим ты справился, а с нами двоими тебе не по силам биться. Не такой ты богатырь, чтобы братьев Орловых одолеть.

Он как взвился:

– А вот сейчас увидим, кто вы: орлы или воробышки!.. А вы не встревайте, – своим лейб-кампанцам приказывает, – я их сам поколочу.

Снова круг образовался, и даже деньги на спор стали ставить – кто победит?

Шванвич с нами условился со спины не заходить и под дых не бить, и начали мы мутузиться. Вот когда я его удары почувствовал – не приведи Господи, стену могли они прошибить! Достается и мне, и Григорию, но брату больше: видно, решил Шванвич его хорошенько проучить. На этом, однако, и обжёгся: настолько он братом увлёкся, что ко мне неосторожно боком повернулся и грудь открыл; тут у меня перед глазами охота на медведя встала – зверюга точь-в-точь так же под мой удар открылся. Тогда я не растерялся и теперь тоже: как двину кулаком Шванвичу под сердце, тот и с ног долой!

Лейб-кампанцы зашумели и на нас было накинута, но Шванвич очухался и их остановил:

– Не трогать Орловых! Всё по-честному было... А с вами, – нам с Григорием говорит, – давайте так договоримся: порознь я могу сладить с каждым из вас, но вдвоём вы надо мной верх возьмёте, поэтому во избежание напрасных побоев положим между нами следующее правило: один Орлов уступает Шванвичу и, где бы его ни встретил, повинуется ему беспрекословно; если же Шванвич встретит двоих Орловых, то он им повинуется. Согласны, что ли?

Мы с Григорием посмотрели друг на друга, – не знаю, как я выглядел, а на брата смотреть было страшно: лицо всё заплыло, сплошной кровоподтёк, одного глаза вовсе не видно, второй в узкую щелочку мир наблюдает, – и согласились.

* * *

Вот такой договор со Шванвичем у нас был заключён, но скоро мы его нарушили. Однажды Шванвич, уже хмельной, встретился с нашим братом Фёдором всё в том же трактире. Подойдя к Фёдору, он выхватил у него кий и грубо сказал:

– Договор дороже денег: ты, Орлов, сейчас один, а значит, должен повиноваться мне беспрекословно. Я буду на бильярде играть, а ты убирайся из трактира!

– У меня тут вино и девицы оплачены, – пытался возразить Фёдор.

– Оплачено тобою, а воспользуюсь я, – ухмыляясь, отвечал Шванвич. – Пошёл вон!..

Фёдор галопом ко мне; я иду с ним в трактир, и вот нас уже двое Орловых, а значит, Шванвич обязан уступить, однако он воспротивился:

– Это что за новости?!.. Эдак вы вечно будете один другого приводить – нет, считать надо по первой встрече!

Я Фёдору знак подал, и мы Шванвича в тот же миг за руки схватили и к выходу потащили. Он ругается непотребно, но мы вытолкали-таки его из дверей; не будь он так пьян, вряд ли мы с ним справились бы – сила у Фёдора была не такая, как у Григория.

Однако то, что Шванвич пьян был, сыграло со мной злую шутку. Хмель ударил ему в голову, и он пришёл в бешенство, притаился за воротами и стал дожидаться моего выхода. Мне бы переждать в трактире, тем более что и Фёдор уговаривал, и девицы были хороши, и вино неплохое, однако настроения чего-то не было; вышел я через несколько минут из дверей, тут Шванвич на меня и налетел. Шальной был совсем – рубил саблей наотмашь; если бы не был он пьяный, мог бы насмерть меня зарубить, а так лишь левую щёку разрубил, впрочем, довольно глубоко. Я упал, а он бежать бросился: несётся с окровавленной саблей по улице, ничего не соображая.

Я встал, щёку платком повязал и пошёл домой – не в трактир же было возвращаться. Дома Ерофеич увидел, что со

мною стало, и давай меня ругать:

– Что же это ты вытворяешь, Алексей Григорьевич?! В гуляку беспутного превратился, голь кабацкую – ох, рано умер твой батюшка: он бы не посмотрел на твой мундир, взял бы палку, да дурь из тебя повыбил бы!

– Молчи, дурак! – говори я ему. – Как ты смеешь со своим барином так разговаривать?

– А вот и не замолчу – что, правда глаза колет? – не сдается он. – Я сколько раз на медведя в одиночку хаживал, так неужто барчука неразумного испугаюсь? Ваша матушка наказывала мне за вами смотреть и от всяких бед оберегать – вы среди братьев самый отчаянный!

Поругались мы ещё маленько, а потом он начал рану мою лечить. Велел терпеть, – и сперва двойной водкой её обработал, затем зашил шелковой ниткой, будто рванный камзол, в другой раз водкой облил, а остаток дал выпить. Ничего, зажило, как на собаке, но след остался на всю жизнь.

* * *

...Шванвич долго от нас скрывался, особенно опасаясь Григория, который поклялся из-под земли его достать.

Через несколько времени произошёл переворот, возведший Екатерину на престол, а нас – на первую ступень государства. Шванвич, видно, уже почитал себя погибшим, однако я зла на него не держал: когда Шванвича почему-то сочли

защитником свергнутого Петра Фёдоровича и в крепость поместили, я пришёл его освободить.

Увидев меня, он побледнел – решил, наверно, что на казнь его поведу, – но я ему сказал:

– Кто старое помянет, тому глаз вон! Давай-ка обнимемся и забудем былое; я тебя всегда за силу и смелость уважал, – будем друзьями!

Он даже прослезился:

– Ну, Орлов, отныне я твой раб! Прости меня за то, что я тебе и братьям твоим сделал, – а приятелем твоим быть для меня большая честь!

Пётр III.

Художник А.П. Антропов

Вот так мы с ним подружились, а вскорости я ему ещё немалые услуги оказал. Шванвича перевели в Ингерманландский карабинерный полк, который был отправлен на постоянные квартиры в Торжок, – там Шванвич какого-то купчишку так отлупил, что дело до суда дошло, а затем и до государыни. Снова я за него вступился, и всё обошлось, слава Богу!.. Однако тут другая беда пришла: сын Шванвича, Михаил, попал в плен к Пугачёву и имел глупость служить злодею со всеусердием. Потом, правда, сбежал и явился к законным властям с повинной, но был отдан под следствие, и вместе с другими пособниками злодея ожидал неминуемой смерти. Опять я перед государыней хлопотал, и она всемилостивейше заменила смертную казнь на вечную ссылку.

Шванвич сам благодарить меня приехал и такой обед устроил, что начали мы гулять в пятницу, а закончили в среду. Вот уж была гулянка, так гулянка!..

Война с пруссаками. Пётр III и Екатерина. Переворот. Смерть Петра III

Судьба всегда была ко мне милостива: бить она меня била, но и давала немало. Кем я был до переворота, приведшего к власти Екатерину? – бедный солдат, и всё! А после на такую высоту вознёсся, на которую редко кто поднимается – разве что орёл?..

Я во многих наиважнейших для государства делах участвовал и если о том понапрасну не болтал, то единственно из нежелания чужие тайны выдавать. А ныне чего опасаться: тайны сии пылью покрылись, и людей, к ним причастных, давно на свете нет... А про себя скажу – я никогда никого не боялся, напротив, меня боялись. Государыня Екатерина так прямо и говорила, что Алексей Орлов – самый опасный в России человек и может даже её, императрицу всероссийскую, жизни лишить. Это она про смерть своего покойного супруга забыть не могла, хотя сама этой смерти пуще всех желала, но пришлось бы, и государыню я не пощадил бы – а чего щадить, если бы она дурно и зло правила?..

При недоброй памяти императоре Павле был у меня разговор о нём с моей давнишней приятельницей Натальей Загряжской, бывшей фрейлиной царского двора. Я тогда за

границей жил, удивляясь, как в России такого урода, как Павел, терпят.

– А что же прикажешь с ним делать? Не задушить же его, батюшка? – говорит мне Загряжская.

– А почему же нет, матушка? – отвечаю.

Однако обо всём по порядку. Перевороты не нами были начаты: от Екатерины Первой так повелось, я уже говорил. Императрица Елизавета Петровна, гвардией на престол возведённая, хотела с переворотами покончить и потому, едва корону надев, наследником своего племянника Петра Фёдоровича назначила – своих-то детей у неё не было, если не верить слухам о том, что дочь она родила от Алексея Разумовского. Об этой дочери никто в России не знал, а через много лет она вдруг в Европе из небытия возникла и права на престол российский предъявила. Матушка-императрица Екатерина сильно всполошилась и повелела мне самозванку любым способом в Россию доставить. Что же, приказ императрицы я выполнил, о чём далее также расскажу...

Петра Фёдоровича иначе, как «уродом», у нас не называли – позже такого же звания удостоился сын его Павел, но тот ещё большим уродом был... Уже сама внешность Петра Фёдоровича несуразной была: тщедушный, нескладный, ноги кривые, живот торчит, плечи узкие, рот широкий и глаза навывкате – лягушка лягушкой! Но внешность ещё что – во внешности своей он не повинен был: какую рожу Бог дал, с такой и ходи! – хуже было с его привычками и поведением.

Хотя по материнской линии был он русским, — матушка его Анна Петровна старшей сестрой Елизавете Петровне приходилась, — но русского в нём было мало. Вырос он в немецких землях, где матушка его в замужестве жила; умерла она рано, он её и не помнил, а немцы его по-своему воспитали.

Однако и в этом большой беды нет: императрица Екатерина, скажем, не единой капли русской крови в себе не имела, но истинно русской по духу стала, немало старания к тому приложив. Но Пётр Фёдорович не любил Россию и обычаи её, пренебрегал ими. Он по-русски так и не выучился говорить толком и говорил на русском языке редко и весьма дурно; о России же отзывался так, что хуже некуда, — однажды обмолвился:

Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда как если бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа.

Прусские порядки во всём выше российских ставил, церковь православную хотел на лютеранский манер переделать, а кумиром его был Фридрих Второй, которого он за наилучшего правителя в мире почитал. При императрице Елизавете мы побили Фридриха, но едва она умерла, как Пётр Фёдорович военные действия против Фридриха прекратил и все наши приобретения ему вернул. Посланник же прусский Вильгельм фон дер Гольц, в Петербург прибыв, стал заправлять всей политикой нашей, которую в интересах того же Фри-

дриха проводил.

* * *

Мы с братьями в войне с Фридрихом вполне участвовали. Самой трудной была битва на берегу Одера около местечка Цорндорф. Нами командовал генерал Фермор, полководец опытный, но рассеянный. Выбрав позицию на берегу реки, он верно рассудил, что она будет преградой на пути Фридриха, наступавшего с противоположной стороны, но забыл принять меры к недопущению его переправы в стороне от наших войск. Пруссак немедленно этим воспользовались: переправившись через Одер, они зашли к нам в тыл, и мы оказались прижаты к реке – таким образом, эта прекрасная поначалу позиция превратилась для нас в ловушку.

Ранним утром они начали атаку; я проснулся от отчаянных криков:

Пруссак идёт!!

Солнце уже ярко светило; с высоты холма я увидал приближавшееся к нам прусское войско; оружие его блистало на солнце; зрелище было ужасное! До нас долетал страшный бой прусских барабанов, но музыки еще не было слышно. Когда же пруссаки стали подходить ближе, то мы услышали звуки гобоев, игравших известный гимн «Ich bin ja, Herr, in deiner Macht» «Господи, я во власти Твоей»...

Фридрих II во главе своих войск при Цорндорфе.
Художник К. Рохлинг

Первый удар принял на себя наш необстрелянный обсервационный корпус. Но новобранцы не только не бросились наутек, но даже не стали сильно подаваться назад, встретив наступающих сначала плотным ружейным огнем, а потом и штыками.

Между тем, прусское войско подвинулось слишком вперед и через это обнажило нам свой левый фланг, не имевший никакой подпоры.

Фермор, заметив эту ошибку, тут же выслал конницу, которая так быстро ударила на пруссаков, что они принуждены были отступить до самого Цорндорфа. Видя успех сей атаки, Фермор приказал пехоте правого нашего крыла, развернув каре, преследовать неприятеля, но пруссаки, бросившись со своими эскадронами на нашу конницу, опрокинули её и затем принудили и пехоту отступить с большим для неё уроном.

В полдень с обеих сторон последовал отдых, ибо обе армии были утомлены. Когда войска немного передохнули, битва закипела с новой силой. С обеих сторон дрались с величайшим ожесточением, но пруссаки, приученные к быстрым оборотам, скоро вступили в линии и, несмотря на наше упорное сопротивление, опрокинули нас.

Мы, отступая, бросились к реке, чтобы перейти на противоположный берег, однако мосты были заранее истреблены по приказанию Фридриха, чтобы отрезать нам отступление, — но сие средство, употребленное Фридрихом для истребления нашей армии, спасло её. Придя к реке и не найдя мостов, мы увидели, что нам остаётся или защищать себя, или погибнуть. Понемногу наше войско начало приходить в порядок; составились разные отряды, не имевшие единого командования, но дравшиеся с небывалым ожесточением. Офицеры в сумятице выпустили из-под контроля своих солдат, но отдавали распоряжения первым попавшимся, и те выполняли их.

Целые ряды ложились на месте; другие тотчас выступали вперед, оспаривая у пруссаков каждый шаг. Ни один солдат не сдавался и боролся до тех пор, пока не падал мертвый на землю. Видя такое упорство, пруссаки пришли в неистовство: они рубили и кололи всех без пощады...

Пруссакам удалось овладеть большей частью наших пушек и почти всем обозом; наши людские потери составили до пятнадцати тысяч человек. Однако войско наше не было разбито: вечером была проведена перекличка, отслужена панихида, и вновь перед глазами Фридриха возникла наша грозная армия, непоколебимо стоящая на прежнем месте!..

Да, славная была баталия! И с гордостью сказать должен, что мы, Орловы, в ней тоже приращению русской славы способствовали! Особенно Григорий отличился, истинно орловскую храбрость проявив: он три раны получил, но строй не покинул и под прусской картечью выстоял. Имя его у всех было на устах – как мне сказал офицер, рядом с ним сражавшийся:

Если бы за каждого убитого пруссака гравировали на шпаге звезды, то на оружии Григория Орлова не было бы свободного места.

* * *

...И вот, все наши победы прахом пошли: горько это было и обидно за Россию! Мало того, что император Пётр Фёдо-

рович всё назад Фридриху отдал, он ещё задумал в союзе с ним против Дании выступить, дабы вернуть Гольштейну, который родиной своей считал, отнятый датчанами Шлезвиг. Где тот Гольштейн, где тот Шлезвиг, какое нам до них дело? — однако по приказу императора гвардия должна была из Петербурга выступить и направиться в датский поход. А для командования нами в Россию вызваны были Петром Фёдоровичем его голштинские родственники: принцы Георг Людвиг Гольштейн-Готторпский и Пётр Август Фридрих Гольштейн-Бекский; обоих произвели в генерал-фельдмаршалы, а Пётр Август Фридрих был ещё назначен петербургским генерал-губернатором.

Приказ о подготовке датского похода последней каплей стал: и раньше императора Петра Фёдоровича у нас не любили, а теперь при одном имени его скрежет зубовой раздавался. Языки развязались, не чувствуя страха полицейского; на улицах громко выражали недовольство, безо всякого опасения порицая государя. Между тем, известно было, что сама государыня-императрица Елизавета Петровна в последний год жизни настолько в племяннике разочаровалась, что хотела отрешить его от наследования престола, поручив управление Россией своей невестке Екатерине, как более способной к царской власти. В гвардии таковое мнение все разделяли и за Екатерину выступить были готовы; брат же Григорий особые резоны к сему предприятию имел, поскольку с Екатериной в близкой связи состоял.

После много чего об их связи навывдумывали, а дело было самое простое. Екатерина в браке была несчастна: муж её не любил. Чем она ему не угодила, понять невозможно, всё было при ней – и пригожа, и умна, и приветлива, и нрава доброго. Что ещё удивительнее – известно, как он перед немцами благоговел, а она ведь чистокровная немка была, к тому же, родня его дальняя, а вот, поди же ты, всё равно её не любил! В то же время слюбился он с Лизкой Воронцовой, которая решительно во всём Екатерине уступала: была толстой, нескладной, обрюзгшей, а после перенесённой оспы стала ещё некрасивее, потому что лицо её покрылось рубцами. Правы французы, когда говорят, что любовь есть насмешка Бога над людьми!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.